
УДК 82. 0 (470. 621)

ББК 82. 3 (2 = Ады)

П 22

Паштова М.М.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Центра адыгосведения НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета, e-mail: gupsa@mail.ru

К проблеме описания локальных фольклорных традиций

(Рецензирована)

Аннотация:

Впервые теоретически обосновывается выбор параметров синхронного описания отдельно взятой адыгской локальной фольклорной традиции (Узун-Яйла – Турция). Предлагается несколько уровней сопоставления общеадыгских и местных жанров и корпусов текстов. Дается определение местному фольклорному нарративу как специфическому вербально-коммуникативному комплексу, рельефно выявляющему специфику и субментальные характеристики описываемого очага культуры.

Ключевые слова:

Черкесы, адыги, диаспора, Узун-Яйла, локальная фольклорная традиция, устный нарратив, смеховой, меморат.

Pashtova M.M.

Candidate of Philology, Senior Scientist of Adyghe Science Center, Research Institute of Complex Problems of the Adyghe State University, e-mail: gupsa@mail.ru

On description of local folklore traditions

Abstract:

For the first time, the choice of parameters of the synchronous description of separately taken Adyghe local folklore tradition (Uzun-Yayla, Turkey) is theoretically proved. Several levels of comparison of Adyghe and local genres and text corpuses are offered. The author defines a local folklore narrative as the specific verbal-communicative complex revealing specificity and submental characteristics of the described center of culture.

Keywords:

Circassians, the Adyghe, diaspora, Uzun-Yayla, local folklore tradition, oral narrative, humorous, a memorate.

Описание локальных культурных традиций – как на Кавказе, так и в диаспоре – одна из приоритетных задач современной адыгской науки. В этой связи освоение имеющегося теоретического и практического опыта, например, русской фольклористики (Б.С. Путилов [1], К.В. Чистов [2], А.Н. Власов, Т.С. Кане-

ва [3, 4], А.А. Иванова, В.Н. Калуцков [5]) представляется необходимым. При этом методологические выводы, естественным образом, должны диктоваться исключительно самим этническим, локальным материалом.

Общие и частные явления, параметры, определяющие специфику локаль-

ной фольклорной традиции (далее – ЛФТ), достаточно рельефно могут быть обозначены при разных подходах: фольклористическом и лингвофольклористическом (поиск «ключевых слов» в фольклорно-репертуарных списках, народной жанрово-обрядовой терминологии, фольклорном ономастиконе; фольклорной фразеологии, лексикологии, диалектологии). При всей сложности осуществления междисциплинарных комплексных разработок привлечение этнографического аспекта остается востребованным.

Объектом исследования и иллюстрациями для данной статьи являются материалы экспедиции 2009 г. в Турции, проходившей в районе компактного проживания адыгов Узун-Яйла – Кайсери. Первые черкесские поселенцы оказались в районе Узун-Яйла (в переводе с турецкого – «Длинное плато») в середине XIX в. в результате Стамбульского исхода. Однако чисто географический термин в течение более чем 150-летнего периода компактного и достаточно закрытого проживания на данной территории разнородного по субэтническому составу адыгского населения превратился в термин культурно-ландшафтный (по преданиям, выбор самой местности Узун-Яйла был продиктован схожестью с местами исторического проживания на Кавказе, пригодностью природных условий для традиционного вида хозяйственной деятельности – коневодства).

Народная устно-речевая традиция четко обозначает Узун-Яйлу как особый очаг культуры адыгской диаспоры Турции. Для его научного описания мы можем использовать одноименный термин, объединяя под ним особые социально-исторические условия формирования ЛФТ, культурные смыслы и ассоциации, хранящиеся в коллективной памяти.

Материалы экспедиции 2009 г., изданные ранее сборники по фольклору адыгов Турции, научно-фольклористические, этнологические и лингвистические статьи

А.А. Ципинова [6], Р.Б. Унароковой, А.М. Гутова, Б.Ч. Бижоева [7] по более ранним экспедициям, а также частные фоно- и видеоматериалы, переданные нам на хранение, позволяют эмпирическим путем выделить основные параметры *синхронного* исследования.

Описание ЛФТ Узун-Яйлы можно осуществить на нескольких уровнях сопоставления:

- фольклорной традиции Узун-Яйлы в контексте общеадыгского материала. Специфика материала, соотношение частного и общего могут быть выявлены таким признаком, как «увезенные с Родины» и «сочиненные на чужбине». При таком широком подходе маркировка текста по принципу «зародившийся на Кавказе / зародившийся в диаспоре» может быть применена ко всему нарративному и песенному репертуару. Это более продуктивно при рассмотрении региональных особенностей материала (например, составитель сборника «Фольклор адыгов Турции» Р.Б. Унарокова классифицирует тексты по указанному принципу);

- фольклорной традиции Узун-Яйлы и традиции других очагов культуры адыгской диаспоры Турции (Сивас-Гёксун, Дюздже, Токат, Бига, Рихание и пр.);

- фольклорной традиции Узун-Яйлы и локальных традиций на Кавказе (адыгов Кабарды, зеленчукских и лабинских кабардинцев и пр.);

- восточно-адыгской (кабардинской) фольклорной традиции и западной (кяхской). Данный уровень сопоставления с целью выявления общего корпуса текстов и жанров обусловлен тем обстоятельством, что кабардинцы составляют в Узун-Яйле численное большинство, но при этом находятся в длительном контакте с другими субэтническими группами (хатукайцами, абазинами, абадзехами).

Поиск общефольклорного и специфического в ЛФТ Узун-Яйлы представляется нам особо продуктивным в сопоставлении, например, с диахроническим ана-

лизом ЛФТ зеленчукских кабардинцев (совр. черкесов).

При маркировке отдельных явлений фольклорной культуры как локальных мы не должны упускать из виду одну особенность. Для того, чтобы сопоставлять (т.е. соотносить) явления необходимо четко представлять себе предмет соотнесения. С одной стороны, это определенный, имеющийся на сегодняшний день научный опыт в виде публикаций текстов и исследований. С другой стороны, это не описанные в литературе, но объективно существующие схемы ЛФТ. Явления, которые мы маркируем в диаспоре как «местные», могут быть сохраненными здесь общенациональными реликтами, но не «эндемическими» инновационными образованиями. «Чтобы по-настоящему описать и охарактеризовать специфику фольклорной культуры региона, зоны, локального очага, нужны по крайней мере два условия: возможно более полное знание ее в синхронном разрезе и представление о ее историческом движении, а также возможность сопоставить с достаточно репрезентативными материалами по другим регионам, зонам и очагам» [1: 150].

Прежде чем перейти к выявлению локальных особенностей, кратко опишем общеадыгские фольклорные явления. Это в первую очередь относится к народному жанрово-терминологическому лексикону. Как это принято в традиции, многие народные термины при обозначении наиболее архаичных жанров атрибутируются суффиксальным эпитетом –*жь* (древний, старый): *гъыбзэжь*, *узрэдыжь*, *хъыбарыжь*, *къафэжь*, это относится, как правило к корпусу текстов «привезенных с Родины» («*Хэкужьым къыздыраха*»).

Наряду с народной жанровой терминологией общеадыгские явления с наибольшей частотностью наблюдаются в следующих корпусах текстов:

мифо-эпическая традиция (доисламские верования, нартский эпос);

младший эпос (лирико-героические

песни и предания об исторических персонажах, героях Русско-Кавказской войны);

детский (материнский) фольклор (считалки, потешки, величальные песенки, колыбельные, побуждающие ходить);

традиционная лирика (ранние песни-сетования («Химсад») и смеховые песни («Хацаца»)).

В следующем корпусе текстов мы наблюдаем сочетание общеадыгских и местных явлений. Это единые механизмы текстообразования, поэтико-типологическая идентичность текстов при высокой вариативности, обусловленной как многолетней географической обособленностью, так и специфическими индивидуально-творческими установками носителей и исполнителей фольклора. Сюда относятся:

- приуроченные песни и хохи (обрядовые гимны и благопожелания);

- ранние фамильные (генеалогические) предания (чаще – об известных аристократических фамилиях);

- паремиологический фонд (пословицы, поговорки, загадки, проклятия);

- сказочная проза.

Сочетание общеадыгских и местных традиций особенно явно наблюдается в обрядовом и игрищном лексиконе (на локальный фольклорно-этнографический словарь как источник репрезентации ряда информационных блоков обращается особое внимание в работах Т.С. Каневой [4: 82]).

Наибольшая частотность локальных традиционно-культурных явлений наблюдается в следующих фольклорно-речевых жанрах и корпусах текстов:

- местные топонимические и фамильные предания (об истории заселения края, о всенародных хасах (собраниях), о «выдающихся мужах», о фамильных вендеттах и пр.);

- местный лирико-героический репертуар (песни Стамбульского исхода и песни о войнах, в которых участвовали адыги после выселения в Османскую империю (цикл «Сэфэрбелык»));

- корпус текстов и устно-речевых клише, связанных с институтом *оршер* (*хъуэрыбзэ* – формулы игрового ухаживания, смеховые групповые маркировки, субэтнические и аульские дразнилки, стереотипические розыгрыши *щлэшын* и т.п.);

- мемораты (относящиеся к соционормативной культуре; о выдающихся людях (циклы «Тохъу Хъэжумар», «Хъэфиз-эфэндъ», «Думэн Мырзэ» и др.); об известных джегуако (народных поэтах, исполнителях, инструменталистах, импровизаторах, ориодзах (циклы «Аунис Мурадин», «Бырс Даут», «Хъудэ»), об известных девушках – гармонистках, владелицах девичьих салонов и др.);

- лирические песни (любовные сетования, о выданных замуж против воли, «женские» отымённые, «мужские» игрищные песни и т.п.);

- музыкально-инструментальный и хореографический репертуар.

Песенно-лирический, музыкально-инструментальный, хореографический репертуар. Корпус текстов «лирические песни-сетования» – один из «эндемических» для любой ЛФТ. Женская песня-сетование, рождаясь в рамках одного региона, распространяется и бытует далеко за его пределами, при этом конситуативно (в предании) сохраняется информация о месте и условиях ее возникновения. Так, всем адыгам Турции известны сочиненные в Узун-Яйле песни «*Жу Жансурэт и уэрэд*» («Песня Жу Жансурат»), «*Щэныбэхэ я пхъум и уэрэд*» («Песня дочери Шанибовых») и др. Женские песни о выданных замуж за нелюбимого чаще всего были сочинены местными джегуако.

Основные хореографические жанры: *къэбэрдей къафэ кыхь* – кабардинская «длинная» кафа (классическая); *къафэ къуаншэ* – «косая» кафа; *шэшэн* – быстрый парный танец; *удж* (*уг'*) – групповой и парный (обрядовый и лирический) танец. В их числе несколько оригинальных разновидностей. Например, мелодия к «*Гукъеуэ уг'*» («*Пхъужь уг'*») – обрядо-

вому танцу замужних родственниц жениха, некогда существовавшему и на Кавказе, «*Мэртазэхэ я гуацэкъыдэши*» – «[Мелодия] вывода на танец княжон *Мартазовых*» и др. Своеобразный танцевальный репертуар черкесов Узун-Яйлы определяет особенности лексикона: наряду с общепринятыми выражениями «*къегъафэ*» – «танцует [с ней] кафу», «*къегъэуэу'*» – «пляшет [с ней] удж», здесь принято говорить «*къегъэшэшэн*» – «танцует [с ней] чечен[ский танец]».

Черты «вторичности» в танцевальном репертуаре игрищ (современные жанровые приоритеты) можно рассматривать в нескольких аспектах: субэтническом, территориальном, геронтологическом. Так, на кабардинском игрище предпочтение традиционно сохраняется за кафой, в отличие от абазинского, абадзехского или шапсугского, где более популярен *шэшэн*. Проблеме происхождения и изучения этого танца посвящена статья А.Н. Соколовой и Н.А. Чундышко [8]. Из своего полевого опыта мы можем добавить: сегодняшнее увлечение танцем *шэшэн* обусловлено и половозрастным фактором, что вербализуется в следующего типа высказываниях пожилых информантов: «Раньше *джэгу* принадлежал девушкам и зрелым мужчинам. Сейчас танцевальным кругом завладели молодые парни, а у них кровь кипит. Молодежь больше любит *шэшэн*».

Отличительной архаической чертой танцевальных игрищ Узун-Яйлы являются синкретические танцевально-вокальные попевки, словами которых и обозначаются названия самих мелодий к танцу кафа: «*Джаур, цланлэ къуажэ...*», «*Си жагъуэ псо мыгъуэр си щхъэм къриклуай...*», «*Къыздэклуэ, къыздэклуэ, ядэмыклуэжын...*». Краткие песенно-речевые тексты, наряду с полными текстами других лирических песен, исполняются на игрище преимущественно молодыми мужчинами под громкие ритмичные хлопки в ладоши в сопровождении гармоника.

Стойкое словосочетание «*уг'ыр ялэтыжас*», означающее примерно «от уджа отказались», «удж предали забвению» относится к концу 1960-х г.г., когда под давлением внешнего культурно-религиозного окружения было признано «неприличным» традиционное фривольно-игровое общение лиц противоположного пола в парном танце, предполагающем физический контакт – соприкосновение рук.

Сопоставление этнохореографического лексикона кабардинцев других районов Турции с адыгскими ЛФТ на Кавказе позволяет в синхронии выявить ряд танцевальных наигрышей: *къафэ зыгъэкЛэрахъуэ, хъэнакIуэ, къафилI, мэлыхъуэжъ къафэ, къуицхъэ къафэ, шэнттегуэж къафэ*, а также термины *лэныкъуей, удж зэблэдзынIэ* и соответствующий им наигрыш и танцевальный ход. Данные наблюдения сделаны в рамках одной экспедиции, поэтому уточнение общих и локальных особенностей музыкально-хореографической культуры требует дополнительного специального исследования.

Поиски форм актуализации ментальных стереотипов в рамках фольклористических исследований возможны «при наличии материализаций этих стереотипов» [9: 3].

Наиболее рельефно и детально специфика фольклора Узун-Яйлы, субментальные характеристики описываемого очага культуры материализуются (вербально, акционально) в своеобразном «**Узун-Яйлинском нарративе**», жанровый спектр которого довольно широк: от исторических преданий до меморатов и анекдотов. Выявление прагматических, социальных функций и жанровых модификаций локального фольклорного нарратива – предмет отдельного исследования. В данной работе мы ограничимся определением вводимого понятия. Термином «узун-яйлинский нарратив» мы обозначаем стереотипический комплекс, связующий воедино основные семантиче-

ские элементы описываемой традиции на уровне теста и контекста. Народный терминологический лексикон (следуя схеме которого мы остановились на выборе указанного термина) выстраивает синтагматический понятийный ряд: «*узун-яйлэ уэршэр*» («узун-яйлинский оршер» – игровые словесные поединки), «*узун-яйлэ хъыбар*» («узун-яйлинское предание»), «*узун-яйлэ унафэ*» (узун-яйлинское решение), «*узун-яйлэ хъэцIэц махъсымафэ*» («узун-яйлинская махсымафа» – ритуализованные застольные песнопения в гостиных), «*ди Узун-Яйлэ(м)*» («наша Узун-Яйла», «у нас в Узун-Яйле»).

Особенности локальной идентификации вербализуются, как правило, в местных хабарах, меморатах, анекдотах, других фольклорно-речевых жанрах: клишированных эпитетах, инвективах, паремиях, фразеологемах. Из указанных текстов формируются групповые маркировки и этностереотипы, которые условно можно разделить на несколько разновидностей:

- характеризующие собственно адыгские микроэтнические образования (субэтнические группы, селения, районы);
- автостереотипы (представления об адыгстве);
- гетеростереотипы (представления о национальном характере окружающих народов – турок, авшаров, курдов, чеченцев).

Маркировки первой разновидности функционируют преимущественно в игровом аспекте, последние два вида характеризуются обычными чертами этностереотипов, такими как этноцентризм, эмоциональность, оценочность, предвзятость.

Амбивалентность или направленность («сатиричность») данных текстов обусловлены в т.ч. и характерной фольклорно-жанровой чертой – *диалогичностью* (принадлежностью субъекта и реципиента к единому информационному и игровому пространству) или отсутствием таковой.

А.Н. Власов и Т.С. Канева предла-

гают рассматривать самоидентификацию информанта как один из критериев определения границ исследуемой ЛФТ, поскольку с этим связан механизм памяти традиции и сохранности/изменяемости форм народной культуры [3: 19].

Фольклорная культура «в своем конкретном наполнении всегда регио-

нальна и локальна» [1: 144]. Выявление и описание традиционно-культурных особенностей отдельных адыгских регионов, сопряженное с их географической и субкультурной дифференциацией, является очевидной и необходимой задачей в плане реконструкции общеадыгской фольклорной традиции.

Примечания:

1. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. 239 с.
2. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М., 2005. 272 с.
3. Власов А.Н., Канева Т.С. К проблеме феноменологии локальных традиций (по результатам исследования фольклорной культуры Европейского Северо-Востока России) // Народная культура Европейского Севера России. Сыктывкар, 2006. С. 16-39.
4. Канева Т.С. К проблеме оценки жанровой и обрядовой терминологии в устьцилемских фольклорных текстах // Слово и текст: история, культура, этнос: сб. науч. тр. памяти Л.Я. Петровой. Сыктывкар, 2009. С. 81-87.
5. Иванова А.А., Калущков В.Н. География и фольклористика: направления и практика взаимодействия // Первый Всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Т. IV. М., 2007. С. 178-195.
6. Ципинов А.А. Фольклор зарубежных адыгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 167-200.
7. Унарокова Р.Б. Фольклор адыгов Турции (вступительная статья) // Фольклор адыгов Турции. Сборник фольклорных текстов: на адыг. яз. Майкоп, 2004. С. 15-24; Гуттов А.М. Проблема этнической самоидентификации зарубежных адыгов // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик, 2000. С. 51-69; Бижоев Б.Ч. Язык кабардино-черкесской диаспоры в Турции и на ближнем Востоке // Кабардино-черкесский язык. Т. II. Нальчик, 2006. С. 308-338.
8. Соколова А.Н., Чундышко Н.А. К проблеме происхождения и изучения танца «щэ-щэн» // Вестник Адыгейского государственного университета. 2010. Вып. 2. С. 260-264.
9. Веселова И.С. Нарратология стереотипной достоверной прозы. URL: http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php.

References:

1. Putilov B.N. Folklore and national culture. SPb., 1994. 239 pp.
2. Chistov K.V. Folklore. Text. Tradition. M., 2005. 272 pp.
3. Vlasov A.N., Kaneva T.C. On the problem of local traditions phenomenology (based on the results of the European North-East of Russia folk culture research) // National culture of the European North of Russia. Syktyvkar, 2006. P. 16-39.
4. Kaneva T.C. On the problem of estimation of genre and ritual terminology in Ust-Tsilemsk folk texts // Word and text: History, culture, ethnos: collection of scientific works in memory of L.Ya. Petrova. Syktyvkar, 2009. P. 81-87.
5. Ivanova A.A., Kalutskov V.N. Geography and study of folklore: tendencies and practice

of interaction // The First All-Russian Congress of folklore students. Collection of reports. Vol. IV. M., 2007. P. 178-195.

6. Tsipinov A.A. The folklore of Adyghe living abroad // Adyghe and Karachaev-Balkar abroad diaspora: history and culture. Nalchik, 2000. P. 167-200.
7. Unarokova R.B. The folklore of Turkish Adyghe (introductory article) // The folklore of Turkish Adyghe. Collection of folklore texts: in the Adyghe language. Maikop, 2004. P. 15-24; Gutov A.M. The Problem of ethnic self-identification of Adyghe living abroad // Adyghe and Karachaev-Balkar abroad diaspora: history and culture. Nalchik, 2000. P. 51-69; Bizhiev B.Ch. The language of Kabardian-Circassian diaspora in Turkey and in the Middle East // Kabardian-Circassian language. Vol. II. Nalchik, 2006. P. 308-338.
8. Sokolova A.N., Chundyshko N.A. On the problem of origin and study of the «shcheshchen» dance // The Bulletin of the Adyghe State University. 2010. Issue 2. P. 260-264.
9. Veselova I.S. The narratology of stereotype authentic prose. URL: http://www.folk.ru/Research/veselova_narratolog.php.